ФАШИЗМ У ПОЗОРНОГО СТОЛБА

Что это — странное совпадение или закономерность? Чем объяснить то, что два наиболее посещаемых представления в Париже посвящены разоблачению фашизма? На мой взгляд, это закономерно. Фильм «Моя борьба», или кровавые годы жизни Адольфа Гитлера», пьеса Брехта «Вполне удержимый подъем Артуро Уй» недвусмысленно разоблачают, обвиняют, клеймят фашизм.

В печати много внимания уделялось тому и другому произведению. Оба были горячо встречены зрителями. И только несколько голосов (увы, всегда тех же!) раздалось не для того, чтобы осудить открыто, нет — очевидный успех произведений делает это совершенно невозможным, а лишь формально покритиковать и кое в чем поставить под сомнение их содержание.

«Моя борьба», или кровавые годы жизни Адольфа Гитлера» — фильм, составленный из документальных лент, снятых нацистскими операторами в период с 1939 по 1945 годы. Авторы не приукрасили, не исказили действительность. В фильме есть все: от Гитлера, завывающего на парадах эсэсовцев, до концентрационных лагерей, от домов, спаленных огнеметами, до повешенных нацистами партизан. Вплоть до краха гитлеризма, испустившего дух под развалинами имперской канцелярии. Леон Зитрон (снявшийся в фильме «Леон Гаррос ищет друга», известный диктор французского телевидения, бравший интервью у Никиты Сергеевича Хрущева во время его пребывания во Франции) написал текст к этим захватывающим кинодокументам и сам его читает. Скупость, лаконичность и простота текста еще больше подчеркивают весь ужас происходящего на экране. Никогда еще, выходя из кинотеатра, я не был свидетелем такого сосредоточенного молчания зрителей. Мучительные воспоминания приходили на ум людям зрелого возраста, а более молодые осмысливали то, чего они избежали в те мрачные годы гитлеризма. Фильм на всех производит огромное впечатление.

В другой манере, иными средствами, преследуя другую цель, поставил Национальный народный театр пьесу Бертольта Брехта «Вполне удержимый подъем Артуро Уй».

Я тотчас же хочу оговориться, что за десять лет, в течение которых я не пропустил почти ни одного парижского представления, в третий раз я был настолько взволнован спектаклем (первым был «Гамлет», показанный компанией Жана-Луи Барро — Мадлены Рено, вторым — «Федра» с участием Марии Казарес, в постановке Жана Вилара). Взволнован настолько, что у меня вспотели ладони, что я не мог спокойно сидеть в кресле (впрочем, так же, как и мои соседи), что я терзал руку моей жены, и она не замечала этого.

Артуро Уй — гангстер из Чикаго — навязывается «покровителем» к местным торговцам цветной капустой, разумеется, за определенное вознаграждение. Разражается экономический кризис, спрос на цветную капусту падает. Артуро Уй с помощью своих наймитов-гангстеров терроризирует мелких торговцев и тем самым обеспечивает тресту постоянно возрастающие доходы. Этих нескольких фраз достаточно, чтобы понять, что Артуро Уй — это Гитлер, терроризировавший Германию в разгар экономического кризиса 1933 года во имя еще более высоких прибылей крупных трестов.

Брехт в своей пьесе, как и Жан Вилар в постановке, ничего не утаивает от зрителя. Артуро Уй и внешне удивительно похож на Гитлера, Гинсборо — на Гинденбурга, Гоббола — на Геббельса, Гори — на Геринга. В конце каждой картины на сцене во всю ее ширину появляется плакат с текстом, который после действий на сцене Артуро Уй и его банды напоминает зрителям, что проделывали в том же духе Гитлер и его банда.

Так, например, трест цветной капусты, согласившись принять помощь Артуро Уй и установить террор, сначала подкупает мэра города Гинсборо, а затем вынуждает его призвать к власти Артуро Уй. После этой картины на сцене появляется плакат с надписью: «Обострение кризиса все больше толкает рабочие массы к революционным волнениям. Крупный капитал, который оказывает Гитлеру серьезную финансовую поддержку, вынуждает президента Гинденбурга назначить его канцлером».

Итак, никаких недомолвок, все ясно.

Так начинается подъем Артуро Уй — Гитлера, который, подчинив себе всю систему компаний цветной капусты в Чикаго, принимается затем за соседний район, принадлежащий некоему Дольфюту (следует понимать Дольфусу, бывшему в свое время канцлером Австрии).

Охватывает ужас, когда следишь за постепенным развитием фашизма, которое глубоко проанализировал Брехт. Пьеса сопровождается музыкой такого рода, какая исполнялась при встрече узников в воротах нацистских лагерей смерти. Пьеса поставлена Жаном Виларом, который выводит на подмостки Национального народного театра Артуро Уй — Гитлера, снедаемого жаждой власти, отвратительного в своих ужимках и кривлянье.

Зал цепенеет от напряжения, какое редко встретишь в театре. Более того, Жану Вилару удалось в постановке сохранить ту необходимую дистанцию между персонажами пьесы и их оригиналами в жизни, которая превращает спектакль не только в напоминание, но и в предупреждение. Последние минуты спектакля мучительны. Я не нахожу другого слова. Сцена погружается в полутьму, безмолвные актеры остаются на местах, затем внезапно сцена озаряется полным светом, Жан Вилар срывает с себя парик Артуро Уй — Гитлера, выходит на авансцену, прямо в зрительный зал направляет указующий перст и страстно, вдохновенно, с почти нечеловеческим порывом читает заключительные стихи Брехта:

Люди! Учитесь видеть,
Вместо того, чтобы глупо глазеть.
Действуйте, а не болтайте.
Это чуть было не завладело всем миром.
Народы все же одержали верх.
Но никто не должен чувствовать себя спокойным:
Еще не бесплодно чрево,
породившее это чудовище.

И тьма падает в оцепеневший зал.

Жан-Пьер САЛЬТАН,
французский журналист.
ПАРИЖ.

Советская культура
г. Москва
16 МАР 1961